

Шэнь Лай встал ненамного раньше, чем Лин Син, а вскоре поднялся и сам Лин Син.

Шэнь Чэншань с остальными, как и накануне, с самого утра ушли в горы заготавливать хворост на продажу. В кухне остались только Шэнь Сяочунь и Шэнь Сяося - они, обхватив глиняные чашки, тихо пили жидкую мучную болтушку.

Первым делом, зайдя в кухню, Шэнь Лай полез к деревянному шкафчику проверить глиняную чашку с мукой. Увидев, что муки внутри ни на крупинку не убавилось, он расплылся в ещё более широкой улыбке. Аккуратно закрыв шкафчик и снова перевязав тканевую завязку, он только тогда спросил Сяочунь:

— А где мама?

У Сяочунь на губах засохли следы мучной болтушки. Она оторвала лицо от чашки и ответила:

— Бабушка сказала, что пошла к Ван-фулану покупать тофу.

Тофу стоил пять вэней за цзинь. Если купить один цзинь и добавить немного зелени, этого хватало, чтобы накормить за один приём пищи с десятков человек в семье Шэнь.

При слове «тофу» Шэнь Лай и сам ощутил голод. Вот бы зимой его покупать... Нарезать кусками, выложить в корзину и оставить на морозе - получится замороженный тофу, а он ещё вкуснее. Замороженный тофу весь в порах, словно соты, мягкий и нежный, впитывает бульон и становится особенно вкусным. Жаль только, что тогда цзинь тофу стоил восемь вэней, и семья позволяла себе купить его лишь перед новогодними праздниками. Делали замороженный тофу и ели его только в сам праздник. Всего один раз. Потом оставалось лишь вспоминать да вздыхать.

Теперь на улице хоть и холодно, но для заморозки тофу уже не годится - замерзают только руки да ноги.

Лин Син умывался у подножия горы. Использованную ивовую веточку он бросил в сухую траву, прополоскал рот и вернулся умываться уже тёплой водой. Как раз в это время вернулась Сюй Юфан, в руках у неё была глиняная чашка с большим куском тофу.

— Син-гер, на очаге есть горячая вода, умывайся тёплой, — напомнила она.

Лин Син с улыбкой отозвался:

— Хорошо, мама.

Он как раз собирался зайти в кухню, когда вдруг услышал отчаянный вопль Шэнь Лая.

— А-а-а-а! Мама, как ты можешь так поступать! Купила тофу и не даёшь мне поесть, заставляешь только смотреть и ждать до вечера!

С этими словами он потянул руку, пытаясь отломить кусочек и сунуть в рот, хоть немного утолить жадное желание. Как и следовало ожидать, Сюй Юфан тут же хлопнула его по руке:

— Убери лапы! Старшая невестка сказал, что вечером будем делать баоцзы с тофу. Если ты сейчас съешь, вечером что - не будешь есть?

Что такое баоцзы, Шэнь Лай не знал, но в его понимании всё, что делается из хорошей муки, просто не может быть невкусным. Так что, хоть он и не представлял себе вкуса баоцзы, ради них он был готов потерпеть и отказаться от тофу прямо сейчас. Вот только видеть еду и не иметь возможности её съесть - настоящее мучение. На мать кричать он не смел, потому вернулся и стал приставать к Лин Сину, упрашивая его поскорее заняться баоцзы.

А для баоцзы нужна начинка. В семье Шэнь не было ничего подходящего: свинину купить не на что. И тут Лин Син вспомнил о тофу, о котором ранее говорил Шэнь Лай. Если добавить к нему приправы и правильно заправить, получится отличная начинка - вкусная и сытная. Ещё вчера перед сном, вспомнив слова Шэнь Лая о том, что у Ван-фулана тофу самый вкусный, Лин Син попросил Сюй Юфан сходить и купить его с утра.

За тофу Ван-фулана нужно приходиться пораньше. Опоздаешь, и его уже не будет. Вот почему, хоть баоцзы и собирались делать только вечером, Сюй Юфан отправилась за тофу с самого утра. Тем более день всё ещё стоял холодный, тофу спокойно мог полежать и не испортиться.

Допив трудно проглатываемую мучную болтушку, Лин Син почувствовал, как саднит горло. Переведя дух, он стал помогать Сюй Юфан с шитьём. Вышивать он не умел, но зашить дырку или подлатать одежду мог без труда. В детстве семья жила бедно, и дедушка был человеком бережливым. Когда на одежде появлялись прорехи, зашивал их именно дед. Правда, получалось у него так себе - швы выходили кривыми, словно ряды многоножек.

Когда он дорос до возраста, в котором уже появляется чувство стыда, Лин Сину совсем не хотелось идти в школу в одежде с «многоножками». Ему казалось, что все взгляды устремлены на него, что окружающие перешёптываются за спиной, обсуждают и оценивают его. Он и рад был бы не обращать внимания, но не получалось. Эти голоса будто цеплялись за него, кружили у самого уха, рождая чувствительность и затаённую неуверенность, так что какое-то время он даже боялся разговаривать с людьми.

С тех пор Лин Син стал учиться штопать сам. Он был молод, зрение у него было хорошее, и со временем рука набилась: пусть швы и не выходили тонкими и аккуратными, зато больше не бросались в глаза, не тянулись по одежде уродливой полосой. А на более крупные прорехи он вырезал из цветной ткани лоскуты подходящего размера, складывал их в простые узоры и пришивал как украшение. Для него одного этого было вполне достаточно. Он старался изо всех сил сохранить достоинство. А если кто-то всё равно находил, к чему придраться, тут он уже ничего не мог поделать. Он сделал всё, что было в его силах.

Какой бы аккуратной ни была его работа, рядом с мастерством Сюй Юфан она всё равно выглядела дилетантской. Но та и не думала смеяться или придираться, напротив, время от времени подсказывала Лин Сину, как сделать стежки мельче и ровнее. Чем больше она учила его, тем сильнее проникалась к нему симпатией. Этот гер всегда улыбался, будто вовсе не знал забот. Его улыбка была заразительной: глядя на него, и другим невольно хотелось улыбнуться. К тому же он был терпеливым, умел слушать, хотел учиться, да и ум у него был живой - стоило подсказать один раз, и он сразу всё понимал.

В руках у Лин Сина была одежда Шэнь Лая. Увидев прореху на месте пониже спины, Сюй Юфан не удержалась от смеха и покачала головой:

— Уж и не знаю, в кого этот Лай-гер такой шепутной уродился. Гер, а целыми днями носится, дерётся с мальчишками. Эта дыра с того раза, как он на дерево полез, гоняясь за кем-то, да за ветку и зацепился.

Услышав очередную «героическую» историю о Шэнь Лае, Лин Син невольно представил себе эту сцену и рассмеялся.

— Значит, это те мальчишки наверняка довели Лай-гера.

За эти пару дней, что он провёл рядом с Шэнь Лаем, Лин Син успел понять: мальчишка вовсе не был безудержно шалым или неразумным. Просто характер у него вспыльчивый - легко загорается, не терпит поддёвок и насмешек, для него всё либо так, либо нет, никаких полутонов. Стоит его подразнить, и он мгновенно выходит из себя. А уж если дошло до того, что он полез на дерево, чтобы кого-то догнать и побить, значит, его и впрямь довели.

Сюй Юфан, услышав это, на мгновение растерялась - о такой стороне дела она раньше не задумывалась. В те годы, когда вся семья из последних сил тянула лечение старшего сына, она с утра до вечера ломала голову лишь над тем, как раздобыть денег. На то, чтобы вникать в причины проделок Лай-гера, у неё просто не оставалось ни времени, ни душевных сил. Каждый раз, когда кто-то приходил жаловаться, ей хотелось лишь поскорее уладить дело и не терять драгоценные часы. Она зарабатывала вышивкой: время для неё было равносильно медным монетам - чем больше сделаешь, тем больше денег удастся выручить.

Теперь, услышав слова Лин Сина, Сюй Юфан на мгновение погрузилась в раздумья. А вдруг раньше она и впрямь напрасно винила Лай-гера?

— Мам, с тобой всё в порядке? — заметив перемену в её настроении, тихо спросил Лин Син.

— Ничего, — покачала головой Сюй Юфан. — Просто кое-что вспомнилось из прошлого.

Говорить дальше она явно не хотела, и Лин Син, разумеется, не стал расспрашивать. Он опустил взгляд и продолжил штопать штаны Шэнь Лая. Закончив с прорехой, он посмотрел на корзину, где лежали ещё две-три вещи, и спросил:

— А одежды второго брата тут нет?

Вещей в семье Шэнь и правда было немного: весной, летом и осенью у каждого было по две смены на круг, а на зиму и вовсе всего по одному комплекту. Лин Син носил одежду, что прежде принадлежала Шэнь Хуану; лишней смены у него не было ни одной.

Старая поговорка гласит: одежду носят три года новой, три года старой, да ещё три года - штопаной и перелатанной; сверху износил - вниз донашивай, а когда уж совсем нельзя носить, так и тогда можно распороть - на тканевые туфли или на тряпки сгодится.

И среди тех немногих вещей, что были в доме, не нашлось ни одной, принадлежавшей Шэнь Хуэю.

Сюй Юфан сказала:

— Второй сын сам себе одежду чинит. Слишком уж он у меня понятливый. Жалеет, что мне и без того тяжело.

Лин Син кивнул. Он вспомнил, как, подстригая Шэнь Хуэю волосы, заметил, что ворот у его одежды сильно истёрт и кое-как заштопан - явно неумело.

В полдень Сюй Юфан снова сварила кашу из бобов. Лин Син ходил проверить, как подходит закваска: всё было в порядке, к вечеру уже можно будет замешивать тесто.

К обеду бобы были готовы, и Шэнь Чэншань с остальными вернулись домой. Утренние дрова снова продали за сто сорок вэней - с Шэнь Хуэем дров удавалось заготовить больше.

Вчера после обеда Шэнь Хуэй не ходил в горы. Трое остальных вымотались за полдня: и путь был длинный, и сил ушло много, а в итоге набрали всего семь вязанок, выручив за них сорок девять вэней. Если сложить всё вместе - деньги в доме и те восемьсот вэней, что были у Лин Сина, - выходило тысяча сто девять медных монет, то есть примерно один лян серебра.

Но половина этой суммы вот-вот должна была уйти.

— Син-гер, — подробно доложил Шэнь Чэншань, — я ходил в гончарную мастерскую, разузнал про печь. Та, что тебе нужна, большая, под заказ. Мастеру придётся подгонять, пробовать, так что он сразу назвал цену пятьсот вэней. Зато пообещал: если сломается, три раза починит бесплатно.

Лин Син мысленно присвистнул. Он-то рассчитывал, что пятисот вэней хватит на всё сразу, а тут выходило, что одна только глиняная печь съест всю эту сумму. Да и с баоцзы и маньтоу не всё так просто: приготовить их дома и нести потом с собой не выйдет. На дворе холодно, дорога долгая, к месту продажи всё остынет. А остывшие баоцзы и маньтоу теряют вкус. Никто ведь

не дурак, чтобы платить деньги за такую еду.

Эти деньги нельзя было не тратить, да ещё и тянуть нельзя, нужно было действовать как можно раньше. Чем раньше всё будет готово, тем раньше появится заработок.

— Хорошо, отец, — сказал Лин Син. — После еды я пересчитаю деньги, а потом попрошу тебя ещё раз сходить туда и договориться, чтобы они начали работу.

Победив бобами, Шэнь Чэншань снова отправился в горы, взяв с собой Шэнь Гуя и его жену; на этот раз они пошли глубже в лес. Пусть сорок девять вэней и не сравнить со ста сорока, но это всё равно деньги. К счастью, погода всё ещё стояла холодная, и в горах не было змей и насекомых, которые могли бы внезапно выскочить и укусить. Иначе, кроме Шэнь Хуэя, в семье никто бы не осмелился заходить хоть немного вглубь.

Сам Шэнь Хуэй в тот день снова остался дома - ему нужно было сделать для Лин Сина пароварку.

Во дворе Лин Син присел на корточки, взял тонкую веточку и стал чертить на земле схему пароварки. Шэнь Хуэй взглянул на рисунок и молча запомнил.

— Хорошо, я понял.

Сказав это, он тут же принялся за работу с деревом: движения были ловкими, сосредоточенными, отточенными до автоматизма.

Взгляд Лин Сина невольно задержался на разорванном крае рукава Шэнь Хуэя. Передавая ему доски, он сказал:

— Второй брат, как закончишь, сними одежду, я подлатаю тебе рукав.

На мгновение движения Шэнь Хуэя замерли, но уже в следующую секунду снова раздался сухой стук - он продолжил колоть доски.

— Не нужно.

<http://bllate.org/book/13938/1244982>